

Клавдия Владимировна Лукашевич

Бедный родственник

Клавдия Владимировна Лукашевич

Бедный родственник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637805

Босоногая команда: Зерна; Рязань; 2005

Аннотация

«Дело было под вечер. По снежной почтовой дороге ехала кибитка. Уныло позвякивал колокольчик; пара чахлах лошадок плелась тихо; ямщик дремал на козлах; кажется, дремал и седок, плотно закутавшись в шубу...»

Содержание

I	4
II	16
III	24
IV	28
V	31

Клавдия Владимировна Лукашевич Бедный родственник

I

Дело было под вечер. По снежной почтовой дороге ехала кибитка. Уныло позвякивал колокольчик; пара чахлах лошадок плелась тихо; ямщик дремал на козлах; кажется, дремал и седок, плотно закутавшись в шубу.

Дорога была ровная; снег пушистый и ослепительно белый: он, вероятно, только что выпал и не успел почернеть от езды. Воздух был прозрачный, с легким морозцем. В такую пору ехать – одно наслаждение. Но не так думали седок и ямщик.

Темнело. На далеком синем небе загорались ранние звезды, по белому снегу виднелась дорога, по сторонам ее – мелкие кустарники, вдали обрисовывались темные силуэты не то гор, не то леса.

Ямщик вдруг встрепенулся на козлах и подогнал лошадей. Седок тоже оправился и сел поудобнее. Он не спал и из-за приподнятого воротника зорко следил за ямщиком. Тот, покрикивая на лошадей, повернулся и посмотрел на седока из-

под рукава своего кафтана. Лицо у него было круглое, с бородкой, черты лица крупные; сам он был коренастый детина, широкоплечий, высокого роста.

– Как он на меня странно смотрит, – подумал седок, поднялся с сиденья, опустил воротник и закашлялся.

Ямщик замахал кнутом и звонко свистнул на лошадей.

«Свистит... Дает о себе знать», – подумал седок.

– Послушай, любезный, – сказал он. – Ты у меня так свистеть не смей!

Ямщик ничего не ответил, но, проехав с версту, снова обернулся и в упор посмотрел на седока.

«Опять смотрит, – подумал тот. – Ну, погоди ж ты! – Я тебя приструню, приятель»

Ямщик, кажется, хотел свистнуть, но как бы вспомнил что-то, и из его рта вылетел неопределенный звук вроде шипения, который моментально замер.

Седок завертелся в кибитке и сильно крикнул.

Ямщик быстро обернулся и посмотрел на него пристально и долга.

Тогда седок привстал в кибитке и, положив руку на плечо ямщика, сказал отрывистым и резким тоном:

– Послушай, любезный, если ты еще раз обернешься и станешь так на меня смотреть, то я всажу тебе в спину пулю. Слышишь? У меня ведь в руках револьвер. Так и знай!

Ямщик опять ничего не ответил, но как-то весь съежился на козлах и погнал шибко лошадей. Откуда у тех и прыть

взялась!

Кибитка, подпрыгивая, пролетела стремглав по мосту, поднялась на гору и спустилась в лощину. Дороги была глухая: ни прохожих, ни приезжих; по обеим сторонам темнел густой лес. Деревья, запорошенные снегом, стояли близко друг к другу и, раскинув широко ветви, казались сказочными великанами.

– Что ты гонишь лошадей как сумасшедший? – крикнул сердито седок.

Ямщик молчал и, не обращая внимания на слова барина, стал еще сильнее хлестать кнутом по худым бокам лошадей. Кибитка неслась, как стрела, по темной лощине.

– Не смей так гнать лошадей! Слышишь!? Тебе я говорю! Поезжай тише... Ты что же это?! Тише! – кричал барин, встав в кибитке и схватив ямщика за плечи.

– Сидите себе, барин. Я знаю, что делаю... Не впервые... Тут место нехорошее. В этой лощине всяко бывает. Поскорей бы из нее выехать, – тревожным голосом ответил ямщик, не оборачиваясь.

Не успел он это сказать, как в то же мгновение на повороте, из кустов, с правой стороны дороги выскочили двое людей; они громко закричали, чем-то махнули и бросились к кибитке. Испуганные лошади шарахнулись в сторону и остановились, так как зацепились постромками за кусты. Затем произошло что-то ужасное: крики, возгласы, брань, возня, грохот, борьба. В темноте ничего нельзя было разобрать. Се-

док беспомощно кричал, порываясь выскочить из кибитки, но его толкали в грудь, стягивали с него шубу, тащили шапку, рылись в его вещах. Наконец сильные руки закрыли ему рот и сдавили горло; в то мгновение в его голове мелькнуло, что все уже кончено; затем он потерял сознание...

Сколько времени прошло – неизвестно, но когда барин очнулся и пришел в себя, то почувствовал, что кто-то его сильно трясет, шевелит, а над ним раздается басистый испуганный голос:

– Барин, а барин! Да ты жив аль нет? Барин! Живы ли вы?!

– Жив, – ответил тихо седок и пошевелился.

– Ну, слава Богу! А кок я-то испугался! Думал, вы померши!

– А ты кто такой?

– Ямщик ваш! Аль еще не признаете?

– Где же мы? Что со мной случилось? – очнулся седок и вздрогнул: ему стало жутко.

– Едем по дороге... Такая беда вышла. Говорил ведь я. Это место такое проклятое! Тут «они» прячутся. Всякое бывает.

– А теперь-то мы где? – снова переспросил седок, тревожно оглядываясь кругом.

– По дороге едем. Не бойтесь. Действительно, они ехали по ровной дороге в той же самой кибитке. В вышине ярко горели звезды; кругом расстилалось снежное поле; было тихо и морозно.

Седок, совершенно пришедший в себя, увидел, что на козлах сидит тот же ямщик: он повернулся к лошадям спиной, нагнулся к барину и смотрит на него участливо и улыбается, причем на круглом лице сверкают белые зубы.

– Что это было такое? – содрогнувшись, спросил седок.

– Напали бродяги... Они часто в этой лощине прячутся... Тут им лафа... Мост близко, лес, овраг, крутой поворот... Место скверное...

– А ты-то как же? – спросил барин. Он хотел этим сказать: «А разве ты не был с ними заодно?» Но ямщик его не понял.

– Я-то ничего. Здорово им всыпал, – отвечал он. – Будут меня помнить. Не на таковского напали... – Я и на медведя один на один хаживал, а таких-то дохлых и еще бы с десяток отделал... Тот, что вас придушил, у ценья кубарем в овраг скатился. Не знаю, жив ли...

– Спасибо тебе, голубчик, большое спасибо... Никогда не забуду твоей помощи... Ты, может быть, меня от смерти спас... Век не забуду, – проговорил барин, и у него на душе стали радостно и весело.

– Что тут за благодарность? Я шибко испугался, думал, что вы померши... С вами такой омок вышел.

– Еще бы! Негодяй так стиснул мне горло, что казалось – и дух вон... Я человек больной, слабый... Где же мне с ними бороться!.. Спасибо тебе, голубчик, что спас... Если бы не ты, не знаю, что теперь бы со мной было...

– Вещи ваши я все собрал и в кибитку сложил... Они их

повытаскали да по снегу раскидали... Кажись, что ничего не пропало...

– Что вещи... Дело шло о жизни! Вещей не жаль...

– Как не жаль, – возразил ямщик. – Все, поди, трудом нажито... Как не жалеть!

Ямщик задумался и долго молчал, потом обернулся к седоку и, улыбнувшись, проговорил:

– Барин, а знаете ли, что л вам скажу?! Ведь я вас боялся...

– Ты боялся меня? – удивился барин.

– Да. На прошлой неделе один такой же барин, как вы, в этой же лощине ямщика убил и лошадей его угнал... И посе́йчас не нашли...

– Может ли быть? – поразился барин.

– Верно. Спросите в городе – все скажут.

– Оттого-то ты на меня так подозрительно смотрел?

– Так, так. Боязно было, – подтвердил ямщик.

Барин громко рассмеялся. Ямщик посмотрел на него с удивлением.

– Ну, братец мой, скажу тебе откровенно, а я ведь тебя боялся, – сказал седок.

– Меня? Вот тебе и раз!

– Да. Мне казалось, что ты и свистишь кому-то, и лошадей гонишь нарочно, и на меня подозрительно смотришь...

– То-то вы всё сердились... То не гляди, то не свисти, то тише... Я думаю, – тут не ладно... Да еще вы меня пулей

припугнули... Боязно было.

– Какая там пуля! Я и стрелять-то не умею.

Седок и ямщик громко и весело смеялись, вспоминая, как они трусили друг друга.

Вдали, немного в стороне, замелькали огни.

– Это моя деревня. Растеряево называется, – сказал ямщик. – Тут у меня избенка. Семейство живет. Завернули бы вы, барин, обогреться и с перепугу оправиться. У меня и самоварчик есть. Моя баба живо все справит.

– Ладно, голубчик, согласен.

Барин чувствовал большое расположение к этому ямщику и охотно согласился на его предложение, думая его этим порадовать.

Кибитка свернула с тракта и, проехав несколько десятков саженей, промчалась по деревенской улице и вскоре остановилась около маленькой избы в три окна, занесенной снегом. Изба находилась посреди бедной, тихой деревни. Две собаки бросились с лаем к приехавшим, кое-где показались люди, и на звук почтового колокольчика из избы выбежала женщина и мальчик лет восьми.

– Тятенька! – радостно воскликнул мальчик, бросаясь к ямщику.

– Молчи, молчи, сынок, – сказал приехавший, погладил мальчика по голове и указал на барина, вылезавшего из кибитки.

– Маша, поставь-ка нам скорее самоварчик. Мы с барином

в снегу побывали, – сказал ямщик жене.

– Неужели ты барина вывалил? Кажется, Степа, за тобой этого не водилось. Что за грех такой?! – укоризненно проговорила женщина, скрываясь за калитку.

Приехавшие вошли в избу. Здесь было низко, душно, бедно, – как в тысячах подобных изб на Руси.

Хозяйка хлопотала около стола; барина усадили на скамейку в красном углу; ребятишки обступили ямщика, ласкались к нему и что-то шептали, искоса поглядывая на барина.

Когда ямщик рассказал жене о том, что с ними случилось дорогой, – она сначала остановилась как окаменелая, вся побледнела, потом заплакала и стала быстро креститься.

– Вот какое его дело... Того и гляди, сиротами останемся. И всякого-то человека жаль... А такого-то, как наш, и век не оплачешь... – проговорила сквозь слезы женщина.

– А разве твой муж хороший? – шутливо спросил барин, чтобы отвлечь хозяйку от грустных дум.

– Хороший... Нечего таить, барин, – хороший: не пьет, не кутит и нас бережет, жалеет... – быстро ответила женщина.

– Перестань! Что за похвальба?! – недовольным тоном ответил ямщик.

Но жена взглянула на него таким ласковым взглядом, что приезжий барин сразу понял, что в этой бедной хатке живут мир да любовь.

– У вас, кажется, большая семья? – спросил барин.

– Четверо ребят, да нас двое, да мать старуха, да еще тет-

ка убогая... Много нас. Жить нелегко. Мы безземельные... Доходы нынче плохие... Тракт наш тихий. Хочется и ребят в люди вывести... А учить-то не из чего... У меня двое старших очень смышленные, так и рвутся к науке, – рассказывал ямщик.

– Полно тебе, Степа, Бога гневить... Будешь ты жив да здоров, – справимся... И ребят подыдем... Может, и до науки доведем... Что за беда, что недохваты... Не мы одни бедствуем... Зато живем, хоть и в бедности, да не в обиде, – задумчиво говорила женщина и по-прежнему смотрела на мужа хорошим взглядом.

Приезжий подошел к детям и погладил белокурые головки. На него из-за спины отца глянули пытливые, добрые детские глаза.

– Что? Хочешь учиться? – спросил барин старшего мальчика.

– Хочу. Шибко хочу. Вот и Варюшка хочет. Только тятке с мамкой на кафтан и на сапоги не сбиться, – бойко ответил мальчик.

– А как тебя звать?

– Ванькой.

– Вот славно. Значит, мы с тобой – тезки.

Барии вздохнул, в его душе шевельнулось чувство невольной зависти к этому ямщику, у которого такие славные дети, и ласковая жена, и этот бедный угол, где его всегда нетерпеливо ждут и встречают с такой радостью.

Он с грустью подумал: «А меня никто не ждет, никто не встретит радостно, никто не позаботится... Скверно жить на свете одинокому человеку».

Между тем хозяйка приготовила на стол и приветливо сказала:

– Жалуйте, барин. Отведайте, что Бог послал... Не осудите нашу бедность!

На столе стояла похлебка, лежала краюха черного хлеба и кипел самовар.

– Что же ты, Маша, сахару-то не дала? – спросил ямщик. Жена его полезла в сундук и долго там рылась; наконец она достала какую-то тряпку, вывернула из нее коробку, а из коробки высыпала на блюдце пять кусков сахару.

Детские головенки приподнялись, вытаращенные глаза с умилением посмотрели на сахар, рты облизнулись.

Приезжий барин взял два кусочка сахару с блюдца и дал ребятишкам. Ямщик с женой переглянулись: у них больше не было сахару, а потому мать незаметно отняла его у ребят; те хотели было захныкать, но, увидев строгий взгляд отца, замолчали.

Попили чаю, потолковали о случившемся, погоревали и стали собираться в путь. Барин, вынув кошелек, достал десять рублей и, подавая хозяйке, сказал:

– Вот возьми, голубушка, от меня... Спасибо на угощенье, за ласку...

– Нет, нет! Что вы, барин! Какая тут плата... Мы поберег-

ли вас не из корысти, – чем Бог послал... Не обессудьте... А денег я не возьму. Жалуйте на перепутьи и в другой раз.

– Возьми, милая, не обижай меня. Это ребятам на гостинцы. Пусть помнят, что их отец меня от смерти спас. И я этого никогда не забуду.. И к вам еще заверну...

– Нет, барин, так не полагается... – сказал обидчиво ямщик, отводя руку с деньгами. – Я пожалел... Неужто ж за это платить?

Приезжий не стал настаивать, но, усевшись в кибитку, позвал старшего сынишку ямщика, приласкал его и, когда лошади тронулись, зажил в его руку десятирублевую бумажку. Кибитка помчалась, колокольчики зазвенели, и снежная пыль наполнилась столбом.

Дорогой седок с ямщиком разговорились.

– Я еду на родину, – рассказывал барин. – Много лет я здесь не был. Стосковался. Тут в городе у меня живут родные племянники. Оба теперь женаты, и дети есть. Давно я их не видел. Оставил еще детьми. Славные были мальчики, особенно Васенька – такой курчавый, красивенький, добрый... Весь был в нашу семью, а другой, Антоша, на мать был похож. Более двадцати пяти лет я их не видел. Захотелось кровных повидать, около них пожить, детей их понежить, по родным местам побродить. Стар стал, прихварываю... Вот и потянуло сюда. Захотелось тут дни остальные спокойно дожить...

– Правда ваша, барин, родная сторонюшка – все равно, что

матушка родимая – Так душа к ней и льнет: как на чужбине ни хорошо, и все по родине стоскуешься. Да мне бы, кажется, на чужбине да без своих и месяца не выжить... Сердце сгорело бы... Верно, барин... Оттого и вам невоготу – говорил ямщик, с участием взглядывая на седока.

В это время вдали опять замелькали огни. Это был маленький уездный город – цель путешествия барина. Он тревожно стал всматриваться, и когда они въехали в тихое предместье, то сердце его радостно забилося, и слезы навернулись на глаза. Здесь, в этой глуши, он родился, здесь он жил с родителями, ребенком бегал по улицам и знал каждый дом, каждое дерево, каждый уголок...

И много милых сердцу воспоминаний промелькнуло в его голове из далекого детства.

Кибитка остановилась у ворот гостиницы.

– Спасибо тебе, голубчик. Никогда не забуду я твоей услуги. Бог даст, еще увидимся. Скажи же мне, как тебя звать? – говорил приезжий, расставаясь и расплачиваясь с ямщиком.

– Спасибо и вам, барин, на добром слове... Звать меня Степаном Ивановым, а по прозвищу Колченогим... Коли поехать куда захотите, – только на почтовой станин и закажите... Меня тут все знают. Прошенья просим, барин! Дай вам Бог хорошо тут пожить.

Они расстались, довольные друг другом.

II

На другой день приезжий встал рано в самом радостном настроении. Это был человек уже очень не молодом, поседевший, сгорбленный; на его бледном, болезненном лице лежали глубокие морщины, и в глазах выражалась затаенная грусть.

Он подошел к окну гостиницы и рассмеялся. Как раз напротив, на сером полуразвалившемся домишке, красовалась большая вывеска, на ней изображены были двое мужчин: один держал другого за нос и чем-то вроде огромного ножа брил ему щеку. Над этим изображением было написано огромными буквами: «Здесь стригут и бреют».

Приезжий узнал и этот дои и эту вывеску. Он видел их много лет тому назад, и они остались неизменными. Он узнал и улицу, и дома кругом, и местность вдали.

Вошедшая прислуга с самоваром прервала его думы, барин стал расспрашивать ее обо всем в городе и особенно интересовался братьями Хлебниковыми. Словоохотливая женщина рассказала ему многое, но мало утешительного.

Приезжий вышел на улицу. Это было незадолго до праздника Рождества. Даже в этом глухом городе заметно было оживление. Всюду убирались, скребли, мыли, чистили, куда-то спешили; около двух домов на снегу лежали елки, должно быть, только что привезенные из лесу.

Приезжий исходил город вдоль и поперек; на это понадобилось немного времени. Около одного дома, приютившегося на берегу маленькой речонки к окруженного густым садом, он долго стоял и смотрел не то с грустью, не то с умилением, слезы застилали его глаза; затем он глубоко вздохнул и тихо побрел по деревянным мосткам, оборачиваясь и посматривая назад.

Около 12 часов дня приезжий звонил около калитки невзрачного и довольно грязного дома.

Отворила молодая деревенская девушка, растрепанная и неуклюжая на вид.

– Вам кого? – с удивлением спросила она.

– Здесь живет Антон Алексеевич Хлебников?

– Здесь. Только его дома нет. Он на службу ушел.

– А барыня дома?

– Дома. Только она белье гладит.

– Ну, ничего. Я найду. Скажи барыне, что ее хочет видеть приезжий родственник.

Девушка живо шмыгнула в дом; приезжий прошел за ней; они вошли в прихожую, в которую выходили три двери, – из одной тянуло кухонным чадом и чем-то жареным. Прислуга быстро закрыла все три двери, сама исчезла, и вошедший очутился в полном мраке. Он простоял тут довольно долго и подумал: «Однако для начала удачно, нечего сказать».

Наконец дверь из кухни отворилась и на пороге показалась очень полная женщина, низенькая и круглая, как ша-

рик, в широком капоте.

– Не узнаете меня. Анна Ивановна? – спросил приезжий.

– Нет, извините, не узнаю.

– Я – Иван Васильевич Хлебников, родной дядя вашего мужа.

– А-а-а-а! Милости просим. Очень рада! Пожалуйста в гостиную.

Хозяйка засуетилась и широко распахнула дверь в парадную комнату. Приезжий разделся и вошел.

– Садитесь на диванчик. Там удобнее, – предложила Анна Ивановна, а сама грузно опустилась в кресло.

– Вот я и на родину приехал! Так сюда тянуло. Вся душа изныла в тоске. Как завидел вдали наш город, так даже слеза прошибла.

– Конечно, приятно подъезжать к родному городу, – согласилась хозяйка.

– Как же вы поживаете? Что Антоша? Давно я ничего не слышал о племянниках... Большая ли у вас семья?

– Ничего, живем мы хорошо... Муж служит. Старший мальчик у нас в прогимназии учится, а двое маленьких еще дома.

– Покажите мне ваших деток! Я так хочу с ними познакомиться.

– С удовольствием... Только они у меня ужасные шалуны, – сказала хозяйка и направилась в соседнюю комнату; она пробыла там очень долго, должно быть, прихорашивал

своих детей.

Наконец в гостиную, как ураган, ворвались два буйных мальчугана; у одного под глазом виднелся большой синяк. Они смело подбежали к приезжему и закидали его вопросами:

– Ты наш дедушка? Что ты нам привез? Каких ты нам привез гостинцев? Отчего у тебя такое лицо?

– Дети, перестаньте! Как вам не стыдно. Что подумает дедушка! Вот я папе скажу! Слышите? Перестаньте! – уговаривала мать.

Дедушка не успел еще ничего ответить и приласкать своих милых внуков, как они накинулись на книги, на альбомы, на разные мелкие статуэтки, очевидно, для них запрещенные. Мать с ужасом оберегала все эти вещи от грозного нашествия. Мальчуганы теребили их руками, отнимали друг у друга, спорили.

– Миша и Коля, идите теперь в детскую... Идите. Вы познакомились с дедушкой – и довольно... Ну, поцелуйте дедушку... Не трогайте же ничего, – испуганно твердила мать, оттаскивая шалунов.

Но те упирались и подняли рев;

– Не хотим целовать дедушку! Не хотим в детскую! – кричали они.

С трудом мальчуганы были увлечены матерью из гостиной.

– Где же вы остановились? – спросила хозяйка, вернув-

шись после борьбы с сынками и желавшая загладить неприятное впечатление.

– В гостинице.

Что же вы, на побывку или навсегда?

– Думаю, навсегда. Здоровье стало плохое... Хочу около родного пепелища сложить свои кости.

– Вероятно, вы торговлей думаете заняться?

– Нет. Где уж мне, больному человеку, торговать!

– Значит, вы пенсией или капиталом обеспечены? – спросила хозяйка, и ее полное лицо изобразило сильное любопытство.

– У меня ничего нет. На первое время хватит... А там, надеюсь, найду какое-нибудь занятие. – уклончиво отвечал гость.

– Какие же занятия в нашем городе? Мой муж и сам бы охотно взял, да нигде нет, – недовольным тоном сказала хозяйка.

– Свет не без добрых людей, Анна Ивановна. Найдутся знакомые, помогут, укажут, наставят.

– Нет, тут вы напрасно будете искать работы... Другие и давно служат, да бьются и с трудом живут, – ревниво проговорила хозяйка и надулась.

«Понимаю я, к чему ты это все ведешь, – подумала она, – только не на простоту напал: знаем мы таких бедных родственников, которые норовят на шею сесть да хлеб отбивать»

В прихожей раздался звонок. Хозяйка поспешно броси-

лась туда и впустила мужа.

– Твой родственничек приехал... Вот еще не было печали!..

– Какой родственничек? – спросил высокий, худощавый мужчина, в очках и с большой лысиной.

– Дядюшка. Сидит в гостиной, хнычет, на судьбу жалуется, думает, что добрый племянник его пригрет, в нахлебники возьмет...

Муж не стал слушать сердитую воркотню жены и быстрыми шагами прошел в гостиную.

– Дядя, какими судьбами?! – воскликнул он, обнимая старика.

– Здравствуй, Антоша! Стосковался по родине, приехал сюда умирать.

– Ну, полно, дядя, поживем еще. Как же вы жили? Что вы делали? Видели ли вы моих сорванцов?

Между Дядей и племянником завязался оживленный разговор. Тон племянника был участливый и задушевный. Дядя рассказывал о дороге, о том, как на них капали, как он любовался родным городом и домом, который прежде принадлежал его отцу... Племянник сообщал о своем житье-бытье, о службе, о знакомых, рассказывал и о брате.

– Он богато живет, дядя. Купцом сделался – торгует. Всего одна дочь, – только жена хворая. А дом – полная чаша. Вы навестите его.

– Навещу, навещу, как же!.. Хочется родных повидать.

В это время из соседней комнаты высунулась голова хозяйки.

– Антоша, пойдя сюда! – крикнула она.

Муж пошел на ее зов, и за дверью послышался сдержанный спор.

– Ты, пожалуйста, не вздумай оставлять твоего дядюшку обедать. У нас ничего нет лишнего...

– Как же, Аня, неловко. Ведь старик приехал издалека... Все-таки родной... Неловко не пригласить...

– Он должен понять – Мы не ждали. Везде готовят в об-рез...

– Пожалуйста, Аня, разделим, что есть, по-родствен-но-му... Он не осудит. Все-таки лучше...

– Нет, нет. Тогда уж обедайте одни... Я не выйду.

– Будь добра, Аня... Устрой... Пригласим. Ведь неловко. В нашей семье всегда принимали радушно, – упрашивал муж.

– Ах, да перестань! Позовем в другой раз... Что еще за церемонии с таким родственником, – сердито проговорила жена и вошла в гостиную. Муж шел за ней и имел сконфу-женный, растерянный вид...

– Уж вы, Иван Васильевич, когда-нибудь соберитесь к нам обедать. Приходите запросто, – певучим голосом, нарочно очень громко, сказала Анна Ивановна.

Гость посмотрел на нее удивленно.

– Приходи, дядя, – тихо повторил Антон Алексеевич.

Дяди слышал, что за закрытой дверью в соседней комнате

стучали тарелками, вилками, ножами, – там, очевидно, накрывали на стол и тихо перешептывались. Он понял все и стал прощаться.

Выйдя на улицу, он с горечью подумал; «Воображают, что я нуждаюсь в их обеде... Ах, ничего, ничего мне не нужно для тела! Я для души, для души ищу пищи».

– Ну что, барин, разыскали племянников? – спросила приезжего прислуга в гостинице, когда он вернулся.

– Разыскал.

– То-то, я думаю, обрадовались?

– Да, обрадовались. Очень обрадовались, – вздохнув, ответил приезжий и усмехнулся.

III

Через день Иван Васильевич навестил другого племянника.

Тот жил в чистом, уютном двухэтажном доме, обнесенном зеленым палисадником; внизу помещалась лавка.

В этом доне уже были осведомлены о приезде бедного родственника.

Ивана Васильевича встретил высокий, полный мужчина с окладистой бородой. Лицо его было суровое, и в глазах выражалась жестокость.

Иван Васильевич долго и пристально всматривался в него, не веря своим глазам «Неужели это Васенька? Тот милый, курчавый мальчик, которого он когда-то любил и ласкал?»

– Что, дядюшка, не признаете нас? – басистым голосом спросил племянник и рассмеялся.

– Где же узнать? Очень изменился... Вот теперь я вижу... Что-то в лице есть отцовское, – проговорил дядя, здороваясь и избегая называть племянника по имени. Ему казалось неловким называть этого купчину Васей и говорить ему «ты».

– А вот моя супруга Марья Власьевна и дочка Глаша.

Вошли в горницу, убранную парадно, по-купечески, с большими божницами, с цветными скатертями, с серебром, выставленным наружу, и половиками по всему полу. На-

встречу гостю встала худенькая, маленькая женщина с большими испуганными глазами и дородная девица, лет 18, как две капли похожая на отца.

Иван Васильевич сел на диван, кругом него поместилась вся семья, и ему стало не по себе.

– Чем же вы, дядюшка, занимались в столице? – спросил хозяин.

– Занимался в конторе... Кроме того, кое-что писал.

– Что же вы изволили писать?

– Писал статьи, печатал их, книги издавал.

– Пустое это дело по нынешним временам – писать книги...

– Вероятно, а вашу глушь не доходит хорошая, дельная книга, – оттого вы так и судите, – заметил дядя.

– Это правда, Василий Алексеевич, есть очень приятные, чувствительные книжки... Читаешь, – вдоволь наплачешься... – вставила было суждение жена хозяина.

Тот взглянул на нее так, что она дальше не продолжала.

– Ничего ты не понимаешь... Твое дело бабье, знай свою кухню да дочку и молчи, – грубо заметил он.

Девица хихикнула.

– Что вы это говорите, голубчик... Теперь другие времена: женщина рвется к свету. Это очень похвально и приятно слышать, что Марья Власьевна любит почитать книжку. Хорошая книга переродить человека может.

– Это поучение вы, дядюшка, оставьте про себя. У вас –

по-одному, у нас – по-другому... Лучше вы нам объясните, что же вы тут собираетесь делать?

– Пока ничего. А там видно будет...

– Что же у вас, дядюшка, чин большой?

– Нет, совсем маленький.

– Так.

Племянник помолчал и, наконец, проговорил решительно:

– Вы нас извините, дядюшка... Мы не можем вас у себя пристроить, потому и занятий таких нет и помещения мало-вато.

– Я, голубчик мой, и не собирался у вас устраиваться, – ответил дядя и стал прощаться.

– Куда мог вы? Сейчас закусим... Водочки выпьем... Эй, жена, скорее! – суетился племянник.

– Нет, нет. Спасибо. Я водки совсем не пью...

– Это, дядюшка, плохо. Значит, вы нам не товарищ, – рас-смеялся хозяин.

Иван Васильевич вышел в прихожую, и тут он заметил, что на него грустно смотрят большие испуганные глаза жены, точно она хочет ему что-то сказать. Когда он нагнулся, чтобы надеть калоши, она робко шепнула мужу:

– Вы бы позвали дядюшку на кутю.

– Нечего его поваживать. Он нам не ко двору, – шепотом пробурчал ей в ответ хозяин.

Выйдя на свежий воздух, Иван Васильевич вздохнул пол-

ной грудью. «Как тут тяжело! Мрак какой-то! Вот где через золото слезы льются... Бедная женщина!» – подумал он, вспоминая худощавое лицо хозяйки и ее испуганные глаза.

Иван Васильевич еще несколько раз навестил своих племянников и нигде не нашел «души», как он мечтал и говорил себе.

Когда он принес детям Антона Алексеевича гостинцы и подарки, Анна Ивановна приняла его любезнее и даже оставила обедать, но он хорошо видел, что она дрожит над каждым куском. Муж ее был человек бесхарактерный и все делал, как она хочет.

У Василия Алексеевича дядя совсем перестал бывать: он не мог выносить, что тот обращается грубо со своей кроткой женой, не мог видеть его пьяного, бессердечного лица. Племянник тоже невзлюбил дядюшку.

IV

Подошел рождественский сочельник. В маленьком, глухом городе праздник встречали по-старинному: целый день строго постились, а с появлением первой вечерней звезды садились за ужин. Ужинали на сене, подавали непременно все рыбное и обязательно кутью, пшеницу с медом, взвар из чернослива.

Вечерело. На небе появились заезды. В окнах домов замелькали огни, задвигались люди: все собирались радостно встретить праздник среди своей семьи и близких друзей. В такие шумные дни особенно грустно бывает одиноким людям.

Иван Васильевич Хлебников сидел в своей комнате у окна. Опустивши голову на руки, он задумчиво смотрел на улицу и думал невеселую думу. Никто его не вспомнит в этот день, не спросит, как он встречает праздник! А как бы ему хотелось, чтобы около него был кто-нибудь из близких, родной... И многое ли ему надо? Только участие доброй души, приветливое слово... Он и сам не знает, как прошла его жизнь: за работой да за чтением. Людей он дичился, конфузился, удалялся, а теперь, под старость, и невыносимо стало одинокому... Племянники, к которым он так стремился, – Бог с ними... Один – кулак, черствый эгоист... Другой – без воли, жены боится; жена сварливая, скупая... Если бы он

явился к ним богатым, конечно, встретили бы иначе...

«Вон сегодня и у цирюльника веселье, вся семья в сборе ужинать сели,» – думал Иван Васильевич, всматриваясь в темноту и заметив знакомую вывеску.

«Как, бывало, любили мы детьми сочельник – эти милые сердцу, трогательные обряды. С каким-то особым благоговением садились за стол, на котором лежало сено. Как ждали мы появления первой звезды: нам казалось, что это именно та, которую видели волхвы на востоке. Как трудно было целый день пропоститься в сочельник... Братец, бывало, не утерпит и стащит кусок хлеба и съест его потихоньку... Где ты, милое детство?! Как пусто и скучно одинокому человеку».

Эти размышления были прерваны стуком в дверь.

– Войдите, – сказал Иван Васильевич.

Вошла прислуга и удивилась, застав жильца в темноте.

– Сумерничаете, барин? – спросила она.

– Да. Размечтался тут и про огонь забыл.

– Вам бы лучше к своим пойти... Нынче везде кутья.

– Нет, не пойду. Нездоровится...

– Ах, да! Что же я! – спохватилась женщина. – Вот вам гостинец!

– Какой гостинец? Откуда? – удивился жилец.

– Ямщик велел отдать. Нарочно заехал... Кланяться наказал и просил отдать, вот лепешки ржаные с творогом, коржики да масло. Его баба вам деревенский гостинец посылает...

– Где, где же этот ямщик? Позовите его. Я хочу его видеть. Позовите его, милая, – встрепенулся барин и так горячо просил прислугу, точно он услышал и ком-нибудь близком.

– Он уже давно уехал, барин, – ответила та.

– Зачем же вы его не остановили и ко мне не позвали?!. Зачем вы мне раньше не сказали? – сокрушаясь, укорял ее барин.

– А мне и ни к чему, – простите, барин. Теперь я вам самоварчик поставлю... Вы и покушайте чаю с деревенскими гостинцами.

Прислуга ушла. Иван Васильевич оживился и повеселел. Этот скромный гостинец доставил ему огромное удовольствие, и он с улыбкой смотрел на деревенские лепешки. Они были тяжелы для его больного желудка, и он их есть не мог, – но ему было дорого что-то другое, что будто ворвалось с этими лепешками в его одинокую комнату в гостинице.

«Где-то далеко есть добрая душа, которая вспомнила обо мне... Как это отратно! Как дорого это мне», – думалось Ивану Васильевичу и становилось весело, и он зашагал по комнате. Ему казалось, что и у него праздник.

V

Прошел целый год. За это время Иван Васильевич устроился на отдельной небольшой квартире и зажил тихо и уединенно.

Племянники и думать забыли о своем старике дяде.

Только как-то раз, когда Антон Алексеевич услышал, что дядя заболел, проговорил участливо:

– Надо бы дядю навестить... У старика никого нет; как-то он там один, бедняга, живет...

– Поспеешь навестить... Времени впереди много, – ответила ему жена.

И Антон Алексеевич все откладывал да откладывал, поговаривая нередко:

– Эх, надо бы, надо дядю навестить!..

Марья Власьевна тоже робко сказала мужу в добрую минуту:

– Вы бы, Василий Алексеевич, навестили дядюшку: слышно, он прихварывает...

– А ты что за печальница явилась? – пробурчал ей в ответ муж.

А время не ждало, а летело безвозвратно вперед.

В маленьком провинциальном городе ничего невозможно скрыть... И вот мало-помалу стали ходить об Иване Васильевиче Хлебникове какие-то странные слухи: будто он во-

все не бедный, а даже миллионер, будто он открывает какую-то школу, будто он подарил какому-то ямщику три тысячи...

Узнала обо всем об этом первая Анна Ивановна... Пришла она домой очень встревоженная и сказала своему мужу:

– Что же ты, в самом деле, дядю-то не наведишь?.. Все только говоришь да собираешься...

Антон Алексеевич очень подивился и порадовался такой перемене в жене и в первый же праздник отправился к дяде.

Тот встретил его приветливо и сразу заговорил о своих планах, которые, действительно, оказались не пустыми слухами...

– Надумал я, Антоша, помочь нашему городу... Хочу училище выстроить, чтобы там самых бедных детей обучали и грамоте и ремеслам разным, и кормили бы их там, я одевали бы...

Иван Васильевич подробно рассказывал племяннику о деле, которое, очевидно, занимало все его помыслы.

Антон Алексеевич слушал молча, – он был очень поражен, и, наконец, не выдержал и спросил:

– Да как же, дядя, ведь на это понадобятся большие средства?!

– Тут я кое-что получил... Хватит, – уклончиво отвечал Иван Васильевич. – Пусть родной город помнит обо мне. Доброе дело – самая лучшая память. А училище такое очень нужно нашему городу.

Антон Алексеевич всем рассказал о своем визите к дяде. Много об этом толковали и удивлялись.

Через несколько дней Ивана Васильевича навестила и Анна Ивановна с двумя младшими сыновьями.

– Что же это вы нас забыли?! Нехорошо... Не по-родственному... Дети, зовите вашего баловника-дедушку к нам... Мы соскучились по вас, – говорила она ласково.

– Некогда, Анна Ивановна, я теперь так занят со своей школой... Купил домик – что прежде родителям принадлежал... Надо перестраивать... Много хлопот.

– И слышать не хочу... В воскресенье ждем обедать... Иначе мы с Антошей обидимся...

Внуки произвели у дедушки полнейший разгром: перессорились, передрались, разбили его чернильницу и так громко говорили, что у старика после их ухода заболела голова и долго раздавались в ушах их голоса.

Навестил Ивана Васильевича и другой племянник.

– Ты что, дядюшка, к нам глаз не кажешь? – шутливо укорял он его – Моя Марья Власьевна та о тебе все глаза выплакала, да и Глаша все спрашивает...

– Спасибо, голубчик... Они у вас хорошие, добрые... Зайду непременно... Теперь некогда – Слышали вы: я ведь тут со школой занялся..

– Как не слышали... Болтают в городе, что ты какому-то ямщику дом какой-то строишь... У нас ведь все сейчас переиначат. Мало ли что болтают!

– Правда, правда, голубчик... Этот ямщик меня от смерти спас... Я еще вам рассказывал... Люди бедные – надо было помочь.

– Вот что, дядюшка, я тебе пришел сказать... Очень моя Марья Власьевна убивается, что ты живешь тут один – Заболеешь, – и походить некому... Переезжай ты к нам... У нас такой мезонинчик хороший, особнячок, освободился...

– Спасибо, родной. Только нет, не могу. Теперь не могу...

– Ну, полно... Что там разговаривать... Возьмем да и перевезем тебя... У меня хорошо, спокойно будет.

– Нет, нет... Я привык жить один... А потом при моей школе я себе тоже помещение отвожу...

Василий Алексеевич ушел разобиженный.

* * *

Пришло еще одно Рождество. Иван Васильевич ходил по своей квартире счастливый и веселый: постройка его школы приближалась к концу; были уже готовы и столы и скамейки, из столицы были выписаны книги, карты и всякие учебные пособия... Школа скоро должна открыться, и там закипит шумная, полезная и деятельная жизнь. Иван Васильевич точно помолодел: здоровье отстало лучше, и о глазах светилась необыкновенная радость. Да разве может не радоваться человек, если он сознает, что жизнь его не прошла пусто и бесследно, что на память о нем останется святое и великое

дело?

Накануне к Ивану Васильевичу заходили жены его племянников и убедительно просили его встречать в их семьях праздник, но старик наотрез отказа лея.

– Я поеду на кутью в Растеряево, в ты можешь идти к кому-нибудь из твоих родных, – сказал Иван Васильевич своей кухарке.

Действительно, за ним приехал ямщик и уже давно дожидался у ворот. Весело разговаривая, они стрелой неслись восемь верст, затем свернули с тракта и остановились у большой новой избы с резными окнами и с резными петухами над воротами.

Вся семья высыпала встречать приехавшего.

– Здравствуйте, мои хорошие! – приветствовал он ребятшек. – Ну что, Ваня и Варяша, как вы учились? Что нового?

– Мы хорошо учились, дяденька... Учительница Нас очень хвалила и по книжке нам дала.

– Молодцы!

– Полноте, ребята, надоедать барину! – сказал ямщик, отстраняя детей.

– Та нас, Степан, оставь в покое. У нас с ними свои дела.

– Жалуйте, дорогой барин... Жалуйте! – приветливо говорила хозяйка.

В избе был накрыт стол на сене, стоила кутья, сытный ужин. Вся семья и гость сели за стол, и всем казалось, что праздник так, светел и радостен. Особенно было дорого Сте-

пану и Маше, что к ним приехал на кутью их благодетель, как они называли между собою Ивана Васильевича.